



Александр Рей

ПУСТЫШКА

Трансформационный спектакль

в одном действии

Официальный сайт Александра Рея

www.perepevnik.ru

Действующие лица:

Лев Серафимович Исаков – врач-психиатр, гипнотерапевт, уважаемый мужчина лет 50. Прагматик, доверяющий лишь своим знаниям и опыту. Категоричен и не терпит возражений - словом, психиатр.

Даниил Милеев – подросток-альбинос. Пациент психиатрической больницы, прибывший из военкомата на обследование и для постановки диагноза.

Надежда Сергеевна Богданова – научный сотрудник, медсестра. Доверчивая и неспособная постоять за себя особа лет 30-ти.

Санитар.

Сын Льва Серафимович – восьмилетний мальчик.

Зеваки.

Люди в зале.

Отделение диагностики НИИ психиатрии Росздрава. Кабинет гипнотерапии. Наши дни.

Картина первая

Загорается свет, выхватывая из мрака сидящего на стуле. Человек одет довольно просто. Лицо скрыто маской «без лица» - на белой личине нет ни глаз, ни рта. К рукам, ногам и голове протянуты тонкие веревки, уходящие вверх. Одна из них натягивается - и подневольная рука поднимается над головой, чтобы помахать залу. Человек «смотрит» на свою машущую конечность. Ему явно не нравится быть на привязи. Свободной рукой берёт подневольную руку и силой заставляет её опуститься вниз. Только несчастный расслабляется - рука вновь поднимается рывком. Человек обречённо качает головой.

Лев Серафимович: Как мне всё это осточертело! Как надоело быть собой! У меня даже сил не осталось сопротивляться. Когда главный враг – ты сам... Что ни делай - всё равно проиграешь. (*Герой встаёт и начинает обрывать веревки*). Именно так я всегда и думал... И оказывался прав! Порой мерещилось, что я умру, так и не сумев хотя бы раз за всю мучительно долгую жизнь с гордостью сказать: «Получилось! Я смог! Я победил... Себя!»

Герой снимает маску. Под маской оказывается Лев Серафимович. Он закрывает глаза и делает глубокий вдох. Затем поправляет волосы. Протирает усталое лицо. Смотрит в зал.

Лев Серафимович: Так бы, наверное, всё и закончилось... Но мне повезло встретить одного невероятного человека, который за считанные дни смог изменить мою вселенную. Галактики и чёрные дыры, сверхновые гиганты и звездная пыль – всё это пришло в движение, ожило... Задышало. И теперь я могу сказать вам... Я победил!

Загорается свет, полностью освещая сцену. Она поделена на два яруса – нижний и верхний. Нижний занимает кабинет врача. Рабочий стол, удобное кресло, несколько стульев, журнальный столик. На стене – книжные полки, дипломы и абстрактные картины. На втором - лишь белая

простыня для проектора и сцена. Доктор подходит к креслу, на спинке которого висит белый халат. Одевает его, продолжая повествовать.

Лев Серафимович: Его звали Даниил. Даниил Юрьевич Милеев. Он попал в наше отделение из военкомата с подозрением на шизофрению... К нам часто отправляют ребят, которые не хотят служить и косят под сумасшедших. Мы таких быстро раскалываем.

В кабинет входит Надя, также в медицинском халате. В руке у неё папки и сумка для ноутбука. Она кладет папки на стол доктора, проходит к столику и размещает на нём оборудование: ноутбук, шапку с электродами, провода. Пока психиатр рассказывает, она занимается своим.

Лев Серафимович: Молодые люди часто считают себя умнее нас. Обычно всё происходит по одному сценарию: так, припугнул сделать «овощем» с помощью препаратов – и готово дело. Тоска. В отличие от случая с Милеевым. Он зацепил сразу. Была в нём одна особенность, о которой я только слышал, а теперь представилась возможность столкнуться лично. Дело в том, что Даниил - альбинос. Да, самая настоящая глыба льда: волосы, кожа и даже ногти - и те белые. Кажется, смотришь на ожившую статую.

Надя подходит ко Льву Серафимовичу и присоединяется к рассказу. Протягивает ему папку, которую врач открывает и начинает внимательно изучать.

Надя: Я даже испугалась, когда впервые увидела Даниила. Он словно и не человек вовсе. И дело даже не в цвете кожи... Вы бы видели его глаза – иссиня-чёрные! Бездонные? Да что там... Каждый раз, когда я находилась рядом с Даниилом, мне казалось, что через его зрачки за мной наблюдает сама Вселенная!

Раздаётся стук. Появляется санитар в медицинской робе.

Санитар (спрашивает у врача): Милеев прибыл. Заводить?

Лев Серафимович: Давайте!

Санитар заводит восемнадцатилетнего парня-альбиноса и уходит. Надя подходит к нему что-то говорит. Он отвечает. Все идут к креслу. Надя усаживает пациента и начинает надевать на него шапку электроэнцефалографа и подключать провода. Всё это время Лев Серафимович продолжает монолог, не замечая происходящего позади.

Лев Серафимович (словно оправдываясь): Мы не знали, как поступить с Даниилом. Парень утверждал, что помнит себя ещё до рождения и говорил, что он весь белый, потому что Бог обделил его предназначением, миссией. Мол, цвет волос, рост, внешность – всё это закладывается там, наверху... И зависит от наших задач здесь, на земле. В общем, он нёс полнейший бред! И хуже всего, то, что он вовсе не пытался откосить от армии, а действительно верил в то, что говорит.

Надя (не отвлекаясь): Я слышала, что Даниил смог обвести вокруг пальца лучших психиатров города.

Лев Серафимович (стыдливо пожимает плечами): Во время гипноза мой коллега, доктор Головин, хотел выяснить причину, побудившего мальчика выдумать эту странную историю. Погрузив Даниила как можно глубже в транс, медик попытался найти то, что сдвинуло его сознание. Но доктора Головина ждало совершенно иное открытие... Даниил

под гипнозом говорил то же самое, что и в сознании. Он якобы помнил себя до рождения... Головин сдался. И теперь за парня берусь я.

Надя (*в зал*): Меня попросили контролировать биоритмы мозга Милеева во время сеанса доктора Исакова. Чтобы на этот раз мы могли доказать - Даниил притворяется, симулируя состояние транса. Он хочет, чтобы мы поверили в его слова! А моя задача – поймать его на лжи. Неприятно, но необходимо...

Лев Серафимович и Надя подходят к Даниилу. Ассистентка садится за компьютер. Врач – рядом с креслом, где сидит пациент. Лев Серафимович разговаривает с Даниилом, словно с малышом. Даниил же, наоборот, на вопросы отвечает спокойно и размеренно. Его речь монотонна, но уверенна.

Лев Серафимович: Здравствуйте, Даниил Юрьевич!

Даниил: Здравствуйте.

Лев Серафимович. Меня зовут Лев Серафимович Исаков. Сегодня мы немножечко с Вами поговорим, хорошо?

Даниил: Пожалуйста, доктор.

Лев Серафимович: Вот и славно. Только, если Вы не против, пока мы будем беседовать, заодно и работу вашего мозга исследуем... Вы уже с Надеждой Сергеевной, нашим лаборантом познакомились? Вон, мышкой у компьютера притаилась... (*Надя и Даниил кивают друг другу.*) Надежда Сергеевна будет следить за показаниями приборов. Это необходимо, чтобы ваше здоровье лучше изучить.

Даниил: Напрасно.

Лев Серафимович: Да? И почему же?

Даниил: У меня со здоровьем все в порядке.

Лев Серафимович (*пренебрежительно*): А вот в военкомате считают по-другому. Кстати, не скажете, уважаемый Даниил Юрьевич, что это Вы в столь равнодушном к страстям месте, как военный комиссариат, учудили, если вас аж к нам на обследование отправили, а?

Даниил: Рассказал о том, что было давно...

Лев Серафимович: Интересно-интересно... Хотя сейчас не об этом! Лучше я у Вас вот что спрошу. Как Вы считаете, Даниил, о чём мы будем вести с Вами беседу?

Даниил выдерживает паузу, разглядывая лицо врача. Врач явно испытывает от этого дискомфорт.

Даниил: Лев Серафимович, я не совсем понимаю, зачем вы кружите вокруг да около, словно какую-то лазейку ищете — с какой стороны подобраться не знаете... Не надо так. Я бы предпочел разговор напрямую, без обиняков. Но если так Вас больше устраивает... Хорошо, я отвечу. Надпись на двери «Кабинет гипнотерапии», присутствие здесь Надежды Сергеевны и шапки электроэнцефалографа на моей голове. Нетрудно догадаться, что Вы хотите уличить меня в обмане, думая, что я стану притворяться, изображая гипноз. Так думал и доктор Головин.

Лев Серафимович (*скептически*): А ты не притворялся?

Даниил: Вот и проверьте. Не меня, а свои убеждения. Прошлый психиатр быстро сдался. Посмотрим, насколько хватит вас, доктор Исаков.

Лев Серафимович (*растерянно – прямота и спокойствие пациента явно раздражают и выбивают врача из колеи*): Исчерпывающе... Ладно, если уж ты так хочешь, Даниил, общаться открыто, тогда незачем тянуть резину! Уже можно приступать к сеансу. Как считаешь?

Даниил: Согласен.

Лев Серафимович встает со стула и подходит к краю сцены, обращаясь к зрителям. Свет гаснет. Проектор выхватывает из мрака лишь врача. Он довольно откровенно и эмоционально начинает свой монолог со зрителями.

Лев Серафимович (*негодую, обращается к залу*): Нет, вы видели?! Сопляк говорит так, словно ему плевать на все авторитеты и свое будущее! Мол, давайте-давайте – всё равно меня не расколоть! Ничего - и не таких кололи! Конечно, не буду отрицать: он мне интересен! Посмотрите – это же альбинос! Уникальный случай! Как Головин мог отказаться от такого... Сокровища? Но дело не только в физиологии... Он достоин внимания! Как говорит! Как ведет себя! А его история? Любой психиатр пальчики оближет... (*Берёт папку и, поглядывая в нее, обращается к зрителям*). За всё время работы не встречал столько странностей в одном человеке! Представьте: этот самый парень никогда... Слышите? Никогда в жизни ничем не болел! Вы в это можете поверить? Я – нет... Как и не могу поверить в то, что... Читаю: «Даниил пошёл в восемь месяцев. Читать начал в два с половиной года». В третьем классе пациент перестал ходить в школу, просто потому, что... Цитирую: «Учительница слишком долго объясняла прописные истины». Можно подумать, что мальчик просто сбегал от проблем. Ведь в школе его должны были дразнить. Дети, как известно, жестоки. Но нет... И тут подстерегает очередной сюрприз! Несмотря на столь примечательную внешность, одноклассники и учителя, просто забывали о том, что с ними учится альбинос Даниил Милеев. Словно и нет его вовсе! А интеллект? Сидя дома, он не скучал. В восемь лет малец читал «Образы бессознательного» Юнга, интересовался учениями Конфуция и разбирался в теории музыки. Бесспорно, мне достался гений. Тем сложнее, но и в то же время интересней будет разоблачение. Кто перед нами – гениальный симулянт, не желающий идти в армию, или же действительно человек, которому требуется помощь? Вот мы это и выясним!

Лев Серафимович подходит к Даниилу. Садится рядом. Свет выхватывает из темноты лишь их двоих.

Лев Серафимович: Делай три глубоких вдоха... Вот так... Споко-о-ойно... Сядь поудобнее... Слейся с поверхностью кресла... Утони в его мягкости... Сейчас тебе предстоит отправиться в путешествие. Далеко в прошлое. Даниил, как только услышишь щелчок пальцев, ты глубоко уснёшь и окажешься в детстве. Итак... Представь, что ты идёшь. (*Даниил резко встает с кресла и подходит к лестнице на второй ярус сцены. У него закрыты глаза*). Перед тобой разверзлась огромная пропасть. Ты стоишь на самом краю, но тебя это не пугает! Ты – спокоен. Ты – само спокойствие. Ты замечаешь лестницу, бесконечно уходящую вниз. Ты спускаешься. (*Даниил начинает подниматься по лестнице наверх.*) И чем глубже ты спускаешься, тем дальше в прошлое погружаешься. Ступенька за ступенькой. Месяц за месяцем. Год за годом ты погружаешься назад в прошлое. (*Даниил забирается на верхний ярус. Лев Серафимович щёлкает пальцами. Даниил*

начинает озираться, всё ещё удерживая глаза закрытыми). Теперь ты в абсолютно белой комнате. Пустой комнате. Обустрой её по своему усмотрению. Расставь мебель. Присмотрись. Что это за место?

Даниил берёт книгу, пододвигает кресло. Садится в него.

Даниил: Это... Это моя комната...

Лев Серафимович: Ты живёшь с мамой?

Даниил: Да...

Лев Серафимович: Сколько тебе лет, Даниил?

Даниил: Двенадцать с половиной...

Лев Серафимович: Чем ты занят?

Даниил: Я сижу в кресле и читаю... Как обычно...

Лев Серафимович: Что ты читаешь?

Даниил: Евангелие от Иоанна... Я учу латынь.

Лев Серафимович: Ты изучаешь языки?

Даниил: Этот будет двенадцатым...

Лев Серафимович *(не сдерживает удивления):* Ого! Зачем тебе столько?

Даниил: Чтобы быть свободным в выборе познаний...

Лев Серафимович: А что ты станешь делать сейчас, когда закончишь читать Библию?

Даниил: Возьму другую книгу...

Лев Серафимович: Разве ты не пойдёшь гулять?

Даниил: Нет... Я не хожу гулять – не вижу смысла. Я хочу учиться...

Лев Серафимович: А другие дети? Ты с ними общаешься?

Даниил: Нет...

Лев Серафимович: Почему? Они тебя обижают?

Даниил: Они меня не видят.

Лев Серафимович: Ты имеешь в виду, игнорируют? Боятся?

Даниил: Нет... Они меня не видят... Потому что я — пустой... У меня нет пути, который пересекался бы с другими... Я не оставляю следы после себя... Люди меня не видят... А те, кто видят — быстро забывают...

Лев Серафимович *(хмурится):* Ладно... Поехали дальше... Итак, ты в своей комнате... Она начинает вновь меняться, и ты погружаешься ещё глубже. Так глубоко, как можешь вспомнить... Где ты сейчас находишься?

Даниил: Я падаю... Лечу вниз, чтобы родиться...

Лев Серафимович (*в глазах врача загорается огонёк сарказма*): Вот это уже интересно... Ха-ха... Рассказывай!

Даниил: Я лечу вниз... Это удивительное ощущение... Мне хорошо... Хотя я знаю, что полёт продлится лишь мгновение... И я стараюсь успеть насладиться падением...

Лев Серафимович: Допустим. И откуда же вы, молодой человек, падаете?

Даниил: С неба...

Лев Серафимович: Откуда именно?

Даниил: Граница воздуха и пустоты - я падаю оттуда...

Лев Серафимович: И что же там?

Даниил: Там я ждал своей очереди...

Лев Серафимович: Чего ты ждал? Какая еще очередь?!

Даниил: Очередь таких же, как и я, «пустышек»... Пустых оболочек... Новых душ... Ждал, пока мне не достанется Его Слово... Его Семя...

Лев Серафимович: Так, хватит! Прекращай чушь нести! Ты не сможешь на этот раз отговориться, что притворяе...

Загорается свет над Надей.

Надя: Лев Серафимович...

Лев Серафимович (*резко оборачивается к Наде*): Что?!

Надя: Он всё ещё в трансе.

Лев Серафимович (*переводит непонимающий взгляд на Даниила*): Этого не может быть!

Надя: Но прибор показывает активность мозга, характерную для трансового состояния.

Лев Серафимович: Так, к черту! Закругляемся, а там разбираться будем... На счёт десять ты просыпаешься. Открыв глаза, будешь чувствовать себя отдохнувшим и свежим... Один! Тяжесть уходит... Два! Ощущается прилив сил...

Картина вторая

На экране появляется видео (возможно слайд-шоу,) иллюстрирующее слова Даниила. Начало рассказа сопровождают кадры запускающегося проектора. Отрывки из воспоминаний. Затем иллюстрация зарождения души и падение в наш мир. Свет внизу выключается. Виден лишь пациент на фоне экрана.

Даниил: Ты знаешь день рождения своего Я? Каково твоё первое воспоминание? Как подарили плюшевого медведя, который всё детство защищал тебя от плохих снов? Или как бабушка гладит по голове, а ты плачешь, ушибив колено? А, может, прогулка по парку и тёплые родительские ладони? Некоторые говорят, что помнят вкус грудного молока и как их пеленали... Я тоже помню всё это ... Вот только «Я» появился намного

раньше. Помню: вдруг осознаю, как всё вокруг залито светом... И я сам - крохотная частичка этого света... Рядом со мной невероятно быстро летят такие же, как и я – новорождённые души, дети только что погибшей звезды. Мы лёгкие, невесомые... Все мы Единым Потокom стремимся к центру Вселенной... Туда, где всё началось... Туда, где меня наделят Его Словом... С этого момента у меня появится Смысл, Идея, Цель... И каждым своим воплощением я стану служить этому Слову. Моё тело, мои таланты и недостатки, окружающие меня люди, ситуации, в которые буду попадать, боль и радость – всё это станет воплощением моей Миссии. Ещё чуть-чуть и... *(Тревожно.)* Что-то идёт не так. Не наполнившись, я меняю траекторию и, лишь отдаляясь от Центра Мира, устремляюсь к крохотной зелёно-голубой планете. В следующий миг я падаю с неба... Чувствую, как притягивает чьё-то (ещё не рожденное) тело... *(С ужасом)*. Мне предстоит воплотиться? Но как же? Как такое может быть? Я же... Пустой. Во мне нет Его Слова, а, значит, и Миссии и Цели... И как такое может быть? *(Устало, потерянно)*. И вот... Я уже в утробе, на пятой неделе после зачатия. Совершенно пустой, привыкаю к своему новому телу и жду рождения, не понимая, зачем жить...

Видео завершается белой точкой посреди чёрного экрана. Она постепенно увеличивается, изображая лепесток с острыми краями. Он приближается, пока свет не заполнит весь экран. Экран гаснет. Одновременно зажигается прожектор надо Львом Серафимовичем. Врач задумчиво сидит за столом. Его что-то беспокоит. Стук в дверь. Освещается вся сцена. Психиатр неохотно отвлекается от размышлений и делает вид, будто работает с документами.

Лев Серафимович: Войдите!

Появляется Надя. Проходит к столу и молча кладёт ему на стол какой-то листок. Доктор внимательно смотрит на девушку.

Лев Серафимович: Что это?

Надя: Результаты анализа энцефалографа. Как я и говорила, аппарат полностью исправен.

Лев Серафимович *(Сдержанно кивает):* Спасибо, Надежда Сергеевна. Вы свободны.
(Но Надя продолжает стоять не шелохнувшись).

Лев Серафимович *(Раздраженно):* Что-то ещё?

Надя: Вы ничего не скажете по поводу Милеева?

Лев Серафимович *(Постепенно закипая):* Надя, а каких слов ты от меня ждёшь? Что да, действительно, исследование показало, во время сеанса Милеев находился в трансе, а, значит, вся эта чертовщина с зарождением души, Божественным Наполнением – правда? И что нам теперь ясно, почему Милеев не только лишён внешности, как таковой, но и линий на ладонях у него нет? Ты этого ждёшь?

Надя: Лев Серафимович, а почему Вы так упираетесь? И не хотите поверить, что Даниил - настоящий?

Лев Серафимович: Надя, ты же религиозный человек?

Надя *(хмурится):* А причём тут вера?

Лев Серафимович (*срывается на крик*): Вот именно! Причём тут твоя вера! Этот мальчишка сумел нас всех обвести вокруг пальца! И твой долг учёного - выяснить, как именно! А не приходить ко мне со своими идиотскими маловразумительными догадками! Ясно?!

Надя (*чуть не плачет*): Но показания энцефалографа подделать невозможно, а это значит...

Лев Серафимович. Это значит, что к нам попал гениальный фокусник, а не пророк. Всё! Разговор окончен. Распорядись, чтобы ко мне привели этого... Пустышку!

Гаснет свет, освещая доктора. Он устало трёт глаза. На экране появляется видео «Жизнь муравейника».

Лев Серафимович (*устало*): Ну, почему... Почему мы такие наивные? Нам говорят, там, за гранью жизни что-то есть... И мы верим, потому что больше всего в этом Мире боимся забвения. Мы постоянно что-то делаем, производим, копошимся своими муравьиными лапками... Бежим, бежим, бежим... И думаем, что всё это важно. Что всё это – имеет смысл. Мы не можем себе позволить даже маленькую мысль, что наши свершения, всё, что мы с таким упорством создаём – всё это оборвётся вместе с биением нашего сердца. А дальше - лишь пустота. Мы – жалкие трусы. Мы боимся темноты. И поэтому верим в сказочки про бессмертные души. (*Встаёт и обращается к темноте*). Надя тебе поверила. И доктор Головин поверил. Именно за это его и отстранили. Но со мной этот номер не пройдёт, Даниил.

Зажигается свет. В кресле сидит Даниил.

Даниил: У меня нет цели Вас обманывать или доказывать что-либо, доктор! Мне не важно, поверите Вы мне или нет. Я лишь отвечаю на Ваши вопросы, ибо Вы спрашиваете. Оставьте меня в палате - и я просто буду читать книги.

Лев Серафимович (*Передразнивая*): «Я просто буду читать книги?» Прости, мой мальчик! Работа у меня такая – выяснить, что на самом деле творится в твоей мелованной голове: рад ли ты спектаклю, устроенному перед Надеждой Сергеевной или чувствуешь себя виноватым? Но в любом случае... Что сделано, то сделано. Теперь наивная девочка верит в то, что ты чуть ли не Мессия. Доволен?

Даниил: Зовите - и я смогу переубедить Надю. Она ошибается. Я не могу быть Мессией. У меня нет цели рождения. В отличие от всех остальных. У Вас есть...

Лев Серафимович: Прекрати немедленно! Слышишь! (*Врач подсакивает и подходит к Даниилу, и хватает его за грудки больничной рубашки. Даниил умолкает.*) Ты – маленький монстр. Вместо того чтобы спрятаться в какой-нибудь пещере, выставляешь себя напоказ. Думаешь, я не вижу тебя насвозь?

Доктор отпускает пациента.

Даниил (*удивляется*): Игру?

Лев Серафимович: Да. Ты чувствуешь себя, словно на сцене. Тебе нужны зрители. (*Пародирует Даниила, кружась вокруг пациента, словно коршун над добычей.*) Я бедная душа без Божественного Зерна Истины. Я пустышка. Я уникальный. Посмотрите на меня.

(Вновь говорит своим голосом.) Спектакль одного актёра, разыгранный с единственной целью – получить крупицу внимания.

Даниил: Вы опять ошибаетесь, Лев Серафимович! Я ничего не выиграю от посторонних взглядов. Да и забудете вы меня очень быстро. Как забывают все, с кем я соприкасаюсь.

Лев Серафимович: Тебя невозможно забыть... Я не забуду! Это я тебе обещаю.

Даниил: Забудете, доктор! Стоит мне ненадолго исчезнуть из Вашей жизни, как совсем скоро вы даже не вспомните, что встречались со мной.

Лев Серафимович: И не мечтай!

Даниил: Любой прохожий оставляет след – сосед в очереди или автобусе, коллега или одноклассник рядом за партой, дети, друзья, возлюбленные... Все рождаются стать учителями друг друга и дорожными знаками, помогающими идти вперёд. Вы, словно мячики в барабане лотереи, сталкиваетесь, бьётесь лбами – и... Каждый меняет путь. Так Вселенная ведёт вас.

Лев Серафимович: Но не тебя?

Даниил: Верно. Люди проходят сквозь меня, будто я бесплотный дух. И очень быстро забывают... Поэтому я привык быть один. И очередная Ваша догадка - мимо, извините. И, Лев Серафимович, сколько бы Вы ни было попыток меня «раскусить», каждый раз будете ошибаться.

Лев Серафимович: Неужели?

Даниил: Потому что мой случай - за пределами Ваших знаний. Там, куда Вы, по какой-то причине, не хотите заглянуть... Вы обвиняете в трусости тех, кто надеется и верит в бессмертие - а сами боитесь допустить крохотное сомнение в своей правоте... А вдруг! Там... Действительно... Что-то есть! И мы рождаемся и умираем в соответствии с Великим Планом Вселенной.

Лев Серафимович падает в кресло.

Даниил: Вы – трус, Лев Серафимович. Трус!

Картина третья

Над психиатром гаснет свет. Даниил всё так же сидит в кресле. Он берёт в руки книгу, лежащую на столе, и начинает читать. Затем прерывается и внимательно смотрит в зал.

Даниил: Сначала я завидовал вам. У всех вас есть довольно чёткие и понятные жизненные задачи. Одни должны научиться чему-нибудь: стать добрее, добиться независимости или доверять окружающим. Другие, наоборот, избавиться от каких-то черт – кто-то завидует; другие - обижаются из-за ерунды, третьи думают только о деньгах и совсем не умеют любить... И у всех вас, абсолютно у каждого есть то, чего нет у меня. Его Слово внутри, которые вы, люди, когда выпускаете на волю, чувствуете себя счастливыми. Рисуете, сочиняете музыку, играете в театре или проектируете дома... Вам дано счастье... И оно - часть вас самих... Стоит только приложить чуточку усилий,

вспомнить, что Слово - внутри вас и услышать его отзвуки... Вспомнить, что вы рождены создавать, как счастье больше не покинет вас... Никогда. Я завидовал вам... Но недолго. Очень быстро я понял, что лишь единицы из вас ищут это Зерно: пытаются вспомнить свои задачи, найти смысл своего воплощения... Вы не ищете счастья в себе. Вы не хотите создавать, а лишь покупаете и покупаете в надежде, что это поможет. Что очередная, сотая по счёту, вещь, затаит дыру в груди. Но этого не происходит. А вы всё равно продолжаете тратить драгоценные минуты на скуку. Я не способен творить. Я – пустой. И чем же вы отличаетесь от меня? Лишь сильнее страдаете, бежите вперёд, но нет... Не живёте. Бедные, бедные люди!

Свет гаснет, освещая лишь Льва Серафимовича.

Лев Серафимович: Этот мальчишка совсем измотал. Меня трясёт от одного упоминания его фамилии – Ми-ле-ев! Фу! Ни один пациент ещё так не утомлял. А всё потому, что я не знаю, как его припереть к стене. Просто поставить диагноз и отвязаться, как советуют некоторые особо умные коллеги, я не могу. Не верю, что он болен. Уверен: он играет со мной... Сегодня я заснул лишь под самое утро. Надеялся хоть немного отдохнуть. Но сновидение только усугубило ситуацию. Меня будто раздавили.

Надя: Что Вам снилось?

Свет гаснет, выхватывая из мрака лишь силуэт врача, потом зажигается на втором ярусе сцены, где рассказ врача инсценируется. Подвешенные к веревкам манекены начинают двигаться.

Лев Серафимович: Помню, как стою в помещении... Что-то вроде огромного завода или ангара... Слева и справа стены. Сверху - покатым металлический свод. А впереди – бесконечность. Сколько хватает глаз, вдаль уходят вереницы конвейеров. Длинные ленты подвешены к потолку, а на них болтаются марионетки в человеческий рост. Головы манекенов накрепко зажаты в тисках. Я приближаюсь, чтобы рассмотреть внимательней. Куклы эти совершенно безликие — просто обработанные в форме человека болванки. Локтевые сгибы, колени, туловище, шея — всё это есть. Каждый раз, когда конвейер начинает движение, чтобы в следующий миг вновь остановиться, они дергаются, словно висельники на ветру... Тела их болтаются, подвешенные за голову к тискам... Я стою, замороженно глядя на этот страшный завод - и вдруг понимаю, что все... Все эти куклы живые!!!

Надя: Живые?!

Лев Серафимович: Да, просто неподвижно ждут...

Надя: Ждут... Но чего?

Лев Серафимович: Я не знаю. Во сне решаю посмотреть, куда их везут. Иду и иду вперёд, пока не упрусь в яму. Прямо посреди завода, в бетонном полу зияет огромная пропасть. Конвейер подвозит марионеток к самому центру дыры и... Перед тем, как тиски разомкнутся и куклы канут в бездну, механические щупальца ввинчивают в их грудную клетку золотой шуруп...

Надя: Что это значит?

Лев Серафимович: Во сне я понимаю, что эти шурупы - что-то вроде носителей информации. Своего рода хранилище параметров кукол: внешние данные, рост, характер, таланты... И в каждом гвозде программа разная.

Надя: А потом?

Лев Серафимович: Когда шуруп вкручен, тиски, сжимающие голову, расходятся, и марионетки падают в ту самую пропасть... И тогда я решаю заглянуть вниз. Там на разных уровнях из стен выходят парапеты, на которых стоят яркие люди, огромные такие... Настоящие гиганты... Одной рукой они ловят падающих кукол, а другой, свободной, наотмашь бьют их по лицу... В тот самый миг словно программа с золотого гвоздя загружается. Безликая марионетка приобретает конкретные очертания — появляются глаза, нос, волосы... Пустое тело становится похожим на живого человека. Они сразу начинают шевелиться, дышать, моргать... Тогда великаны разжимают ладони, и уже живой полноценный человек продолжает свое падение в крошечную тьму...

Включается запись гипноза Даниила.

Лев Серафимович: Ладно... Поехали дальше... Итак, ты в своей комнате... Она начинает вновь меняться, и ты погружаешься ещё глубже. Так глубоко, как можешь вспомнить... Где ты сейчас находишься?

Даниил: Я падаю... Лечу вниз, чтобы родиться...

Лев Серафимович (*в глазах врача загорается огонёк сарказма*): Вот это уже интересно... Ха-ха... Рассказывай!

Даниил: Я лечу вниз... Это удивительное ощущение... Мне хорошо... Хотя я знаю, что полёт продлится лишь мгновение... И стараюсь успеть насладиться падением...

Лев Серафимович: Допустим. И откуда же вы, молодой человек, падаете?

Даниил: С неба...

Лев Серафимович: Откуда именно?

Даниил: Граница воздуха и пустоты - я падаю оттуда...

Лев Серафимович: И что же там?

Даниил: Там я ждал своей очереди...

Лев Серафимович: Чего ты ждал? Какая еще очередь?!

Даниил: Очередь таких же, как и я, «пустышек»... Пустых оболочек... Новых душ... Ждал, пока мне не достанется Его Слово... Его Семя...

Лев Серафимович. Так, хватит! Прекращай чушь нести! Ты не сможешь на этот раз отнекаться, что притворяя...

Запись обрывается. Загорается свет. В кабинете Даниил и Лев Серафимович. Врач явно истощен и повержен.

Лев Серафимович: Пришли данные из ДНК-лаборатории, куда мы отправляли твои образцы. Могу тебя поздравить, Даниил...

Даниил: С чем?

Лев Серафимович: Ты победил. Я не знаю, как ты это делаешь.

Даниил: Вы же обещали меня раскусить.

Лев Серафимович: Видимо, это выше моих сил!

Даниил: Что Вы такого выяснили? Что заставило Вас передумать?

Лев Серафимович: Ты уникален! У тебя активны лишь гены, отвечающие за формирование тела, внутренних и внешних органов, систем — и всё. То есть на генном уровне у тебя не записана информация ни о внешности как таковой... Нет генов агрессии или уравновешенности — то есть характера тоже словно бы и нет... Ни особых склонностей и талантов — тоже пусто! Понимаешь?! В лаборатории решили, что это какая-то шутка. Тебе в грудь не вкрутили золотой шуруп, и великан не стукнул тебя по лицу!

Даниил: Я не понимаю...

Лев Серафимович: Ай, не важно! Просто ты — ошибка природы. Да ты и сам это прекрасно понимаешь! И хуже всего — пользуешься этим, чтобы морочить людей! Заставляешь думать нас, будто там, за ширмой рождения или смерти, что-то есть!

Даниил: Лев Серафимович, почему Вам так трудно поверить мне?

Лев Серафимович (*бьёт рукой по столу и срывается на крик*): Да потому что, если ты прав, то это значит: там, наверху, сидит сволочь, которая создала наш мир, и смотрит бесстыжими своими глазёнками на ежесекундные боль и страдания этого мира. Или ещё хуже — судит нас за наши же ошибки. Как Он смеет, а? Как, я тебя спрашиваю?

Даниил: Вы хотите, чтобы я ответил?

Лев Серафимович: Будь так любезен.

Даниил. Для Вас, доктор, я даже могу сделать больше. Хотите - покажу Творца, чтобы Вы сами задали Ему все важные вопросы. Спросили обо всём лично.

Лев Серафимович (*недоверчиво*): Шутишь?

Даниил. Нет. Я серьёзно.

Врач никак не реагирует на слова Даниила. Пациент подходит, берёт психиатра за руку и подводит к краю сцены.

Даниил. Закройте глаза. И когда я скажу - открывайте. Готовы? (*Лев Серафимович кивает*). Открывайте! (*В это мгновение спадает ширма-декорация, открывая большое зеркало за спиной. Врач заворожённо смотрит в зал, словно в зеркало.*) Лев Серафимович, нет никакого седобородого старца, который гладит вас по голове за хорошие дела или наказывает за проступки. Который судит вас. Творец – это пространство, в котором проистекает всё. Вы... Я... Мы все и есть Бог. Мы сами управляем миром и решаем, что с нами произойдет — вот это и есть та самая Вселенская Справедливость. И если уж на то пошло, Вы можете спросить только себя, как Бога своей реальности: «Почему в моей жизни так много боли и страдания? Или, наоборот, тепла и ярких свершений?»

Врач словно вспоминает, кто есть кто, и зло вырывает руку из ладони Даниила.

Лев Серафимович: Не лги мне, мальчишка! Зло есть! Я видел его!

Даниил: Конечно, есть! Зло — это когда люди предпочитают быть «ни при чём»... Считать, что виноват кто-то... Что я не един с миром, и не я сам пришел к «случайной» беде...

Лев Серафимович: Бред! Чёртов мир ни капельки не справедлив... Он замусорен и загажен... Мир тонет в злобе и ненависти, позволяя подонкам жить свободно на широкую ногу! Мир лишает людей крова бесчисленными катастрофами... Хороших людей он заставляет страдать, а отбросам позволяет мучить их... Это справедливость?!

Даниил: Всмотритесь в своё отражение, доктор! Вы тоже не хотите быть «при чём»? Любые наши поступки, мысли или слова (даже самые незначительные) формируют Вашу жизнь и жизнь Ваших близких. Если бы можно было составить хронологию всего, что Вы говорили, чувствовали и делали, то вопрос «случайности» и «справедливости» зла перестал бы существовать. Всё, что с вами случилось – это не воля Творца, а Ваши личные решения. Только Вы сами создаёте своё Зло... Только Вы!

Лев Серафимович: Я не понимаю...

Даниил: Ну, смотрите. Например, ограбление дома — это следствие многолетнего страха нищеты, который запускал по чуть-чуть цепочку причинно-следственных связей, пока, наконец, не привёл грабителя именно к этому дому, а не к какому-то другому.

Лев Серафимович: Это наказание!

Даниил: Если только самого себя... Лев Серафимович! Вместо того, чтобы сопротивляться, просто примите факт, что все наши беды и боль – мы творим сами. Абсолютно все... Мы отказываемся отвечать за свои поступки, мы отказываемся принимать, что пришли не просто так на Землю, и что у нас есть задачи. А не выполняя их, мы копим и копим долги – дышим, едим, пьём в долг у Вселенной... Но ничего не делаем со своей жизнью. Пока, в одночасье, не ломаемся под тяжестью накопившегося мусора. Мы сами создаём свой мир. Примите это - и увидите: Вам сразу станет легче... Вы же сами хотите. Вам все эти годы так было больно... Вы жаждете избавления.

Врач ошарашен и начинает пятиться.

Лев Серафимович: Ты о чём?

Даниил: Вы не можете себя простить, что тогда отпустили его руку. И с тех пор съедаете себя заживо. Каждый день Вы просыпаетесь, и каждый вечер засыпаете в Аду. В своём персональном Аду.

Лев Серафимович (с ужасом): Кто тебе сказал? Откуда ты знаешь про...

Даниил: Про то, что вы отпустили руку вашего сына? А разве Вы ещё не поняли, Лев Серафимович, где мы?

Врач судорожно оглядывается, продолжая отдаляться от Даниила. В итоге, подпирая спиной зеркало. С каждым произнесённым словом «нет» свет по чуть-чуть меркнет, пока полностью не гаснет, и даже в темное, шёпотом, врач продолжает твердить «нет».

Лев Серафимович: Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет... (Раздаётся громогласный крик медика. Загорается яркий свет. Врач стоит лицом к зеркалу. Даниила на сцене нет.) Нет!!! (С ненавистью отражению.) Это всё ты! Ты! (Смеётся, словно сумасшедший.) Как же я сразу не понял! Мы что, в моей голове?! (Врач не перестаёт озираться. Подходит к вещам, проверяя их на «плотность».) Как я пустил тебя сюда, мальчишка?! (В потолок.) Как смог довериться тебе?

Голос Нади и Даниила немного искажены, словно во сне.

Голос Даниила: Вы открылись мне. Вы устали быть сильным.

Голос Нади: Вы встретили меня и поняли, что больше, не боитесь меняться...

Голос Даниила: Не хотите жить прошлым. Вы готовы отбросить боль...

Голос Нади: И идти дальше.

Врач сползает по стене на пол, закрывает руками голову, начиная покачиваться взад-вперёд. Появляется Даниил. Подходит к врачу и прикладывает ладонь к его груди. Врач начинает плакать.

Даниил: Нет необходимости больше терпеть то, что у вас внутри. *(Медленно, внушая.)* Что... У Вас... Внутри?

Картина четвертая

Лев Серафимович: Боль... Боль внутри меня... Съедает... Столько лет... Мой маленький мальчик... Я потерял его... Все эти годы я не понимал... Как мир смел отнять у меня самое важное... Как он позволил пережить столько боли... Я сам виноват... Это всё я... *(Поднимает заплаканные глаза на пациента и тянет к нему руки).* Даниил... Я... Я... Прошу... Помогите... Я больше не хочу бегать от боли... Не хочу страдать и бояться... Я устал... Мне надоело... Помогите освободиться от этой ноши... Непосильной... Верни мою жизнь... Моё детство, в котором обитали краски и свет... Молю...

Даниил: Я помогу! Насчёт три ты вернёшься в прошлое... *(Даниил берёт врача за руку и словно помогает ему встать, но вместо этого, произнеся слова, отпускает руку врача, заставляя его упасть на пол).* Раз... Два... Три! *(На счёт три врач падает, выключается свет и начинается играть музыка Ryuichi Sakamoto - Disko).* Ты находишься в полной темноте... Настолько крошечной, что не видишь даже своих рук... Ощущаешь себя бестелесным духом... Но вот появляется ровное матовое свечение. Оно постепенно усиливается... *(Постепенно разгорается свет. Данила не видно, лишь слышится его голос. Лев Серафимович стоит посреди сцены без врачебного халата, растерянно озираясь по сторонам. В руках у него кейс, а подмышкой газета. В нескольких шагах от него спиной к залу стоит ребёнок, у которого на лице маска «без лица». Люди (фоном) идут по своим делам. Кто-то просто стоит, разговаривая по телефону. Влюблённая парочка мило беседует).* И теперь ты можешь видеть, что находишься в том самом месте, где погибнет твой сын... До аварии остаётся пять минут... Чем ты сейчас занят?

Лев Серафимович *(продолжая оглядываться):* Я покупаю в киоске газету...

Даниил: Где твой сын?

Лев Серафимович *(пристально глядя на мальчика):* Вова рядом... Но я почему-то не вижу его лица... Оно размыто...

Даниил: Это потому что ты до сих пор не веришь, что сына нет... О чём ты сейчас думаешь, Лев?

Лев Серафимович: Все мои мысли заняты утренней ссорой с женой. Мы ругались

из-за её непомерных трат. Я сказал, что она отвратительная хозяйка и мать. Поджав губы, она ушла в соседнюю комнату... Плакать...

Даниил: А сын?

Лев Серафимович: Он был у себя... Но всё слышал... Я знаю...

Даниил: Три минуты до аварии.

Играет музыка Ryuichi Sakamoto – Hwit.

Лев Серафимович (*говорит всё быстрее, постепенно повышая тон почти до крика; слова сопровождают манипуляции с мальчиком*): Я иду в сторону метро... Вова семенит позади... В одной руке у меня портфель, в другой – его рука... Он жалобным голом просит не идти так быстро... Говорит, что устал... Я отпускаю его руку. Зло отвечаю, что у меня нет времени на его капризы... Велю идти вперёд... Вова делает несколько шагов... Когда я замечаю, что светофор горит жёлтым, уже поздно... «Хонда», пытаюсь проскочить, давит на газ!.. А Вова... Вова не смотрит по сторонам... Он никогда не смотрит по сторонам!!! (*Далее говорит тихо.*) И я... Тоже... Не смотрю!.. (*Гаснет свет. Визг тормозов. Глухой удар. Далее - спокойный или даже равнодушный голос Льва Серафимовича*). Сын отлетает на тротуар... Это занимает лишь миг. Но кажется, будто время застыло... И тянется очень медленно... Всё было замечено... Как металл слился с живым телом сына, так и не понявшего, что произошло... (*Голос наполняется страданием и слезами*). Как он падает на асфальт... Касается земли неестественно пластилиновыми руками... Как машина притормаживает лишь на миг, чтобы вдруг скрыться из виду... Как я подбегаю к ещё дышащему сыну... (*Зажигается тусклый свет. Врач держит тряпичную куклу на руках. Позади полукругом, создавая толпу, их обступают зеваки. Многие снимают происшествие на телефон, но никто не стремится помочь*). Сын! Сынок! Не уходи! Останься! Молю, сыноooooooooooooок... Молю!!! (*Лев Серафимович рыдает навзрыд, обнимая тело ребенка и комяча его в попытке докричаться*). Не смей уходить! Ты не имеешь права! Ты жесток, сын! Я всю жизнь буду винить себя, ненавидеть, кусать губы, мечтая исправить эту ошибку, изводя себя обвинениями и презрением! Я буду засыпать и просыпаться с твоим телом в объятьях, не давая ни одной живой душе занять твоё место! Сынок... Ты уйдёшь, а я останусь... Ты больше не почувствуешь боли - зато мне достанется за нас двоих. Моё сердце... (*Хватается за грудь, пытается подняться. Скручивается от боли и падает рядом*). Как Больно, Господи... Нельзя так, прошу! Я буду смотреть в глаза жены. А там нет больше любви. Там нет злобы, нет чувств. Даже зрачков я больше не увижу в глазах любимой. Ничего, кроме молчаливого укора.

Голос жены (*голос, полный ненависти*): Ты отпустил его руку. Слышишь, это ты дал ему умереть. Ты!

Позади толпы пробирается сын Льва Серафимовича в маске. Он стоит среди зевак, в шаге от горящего отца и наблюдает за происходящим.

Лев Серафимович: Я обнимаю покинутое тело. Ты ушёл, забрав меня с собой. Остались лишь пустые оболочки. Твоя – сгниет и превратится в пыль. А мне ещё долго ходить по земле, заполняясь мусором, затыкая людьми и пустыми встречами боль... Нашу боль. Останься - или забери меня с собой! Но не смей быть жестоким. Не смей!

Даниил: Стоп! *(Бурлящая до этого момента толпа неподвижно замирает. Время останавливается. Лишь Даниил и Лев Серафимович недвижны. Даниил обходит толпу сбоку и выходит на авансцену).* Время остановилось... Всё вокруг замерло... Машины... Люди... Смотри на сына... Наблюдай!

Лев Серафимович *(тянется к ребёнку, но не может тронуться с места):* Он... умира-ае-е-ет... Нет... Прошу-у...

Даниил *(садится на пол, положив голову ребёнка себе на колени и поглаживая его):* Смотри, как внутри него... За живой плотью прячется смерть... Смотри, как она медленно заполняет его...

Лев Серафимович: Ненадо-о... Умоляю! Вова-а! Вовочка-а... Мальчик мой... Сынок!

Даниил: Теперь смотри глубже. Там, где видно, что смерть была внутри него всегда... Смерть родилась одновременно с ним... Она – часть его... Как часть тебя или меня... Смерть не противоположность жизни, а лишь её продолжение...

Лев Серафимович *(сопротивляясь):* Я боюсь! Мне страшно!

Даниил: Страшно? Загляни внутрь себя... Жизнь в твоём теле переливается водопадами. И лишь в груди пусто! Твое сердце переродилось: тяжёлым, липким комом слизи стало оно... Его заполонила боль. Видишь её?

Лев Серафимович *(задыхаясь и кашляя):* Мне сложно дышать... Я умру!

Даниил: Просто наблюдай за болью внутри... Чего ты боишься?

Лев Серафимович: Я... Я ужасный отец! Я позволил этому случиться!

Даниил садится на корточки и шепчет на ухо врачу.

Даниил: Ты – это не твой страх или боль! И даже не тело. Ты – душа. Вечная... Чистая... Ты – не можешь умереть...

Музыка умолкает. В полной тишине врач делает несколько глубоких спокойных вдохов. Начинает играть Ryuichi Sakamoto - In the Red.

Лев Серафимович: Я - душа... спокойная... чистая...

Даниил: Теперь посмотри на сына...

Лев Серафимович *(неспешно подползает к кукле, водит руками вдоль его тела, словно хочет, но не решается к нему прикоснуться):* Его оболочка повреждена... Она сломана... И ещё... *(Оборачивается и радостно смотрит на мальчика в толпе, мальчик снимает маску и улыбается).* Я могу видеть его лицо... Оно вновь чёткое! Я вижу сына! Он удивлённо наблюдает... Малыш не понимает, почему тело так быстро сломалось...

Даниил: Ты боишься смерти, Лев?

Лев Серафимович: Смерти? *(Обрывается музыка.)* А что это? *(Гаснет свет. Видно лишь лицо Даниила. Он смотрит в зал.)*

Даниил: Секрет жизни состоит в том, чтобы «умереть» до того, как умрёшь и обнаружить, что смерти нет. Экхарт Толле.

Свет полностью гаснет. Кромешная тьма.

Даниил: На счёт три ты проснёшься, Лев... Отдохнувшим и посвежевшим. Раз... Два... Три...

Картина пятая

Начинает играть музыка Clint Mansell - Together we will live forever. Прожектор тихо разгорается, выхватывая из темноты фигуру Даниила. Он стоит у края сцены и пристально смотрит в зал.

Даниил: В отличие от вас всех, моё рождение бессмысленно. Творец не наполнил мою душу призванием, талантами, красотой. В моём рождении нет смысла для мира, но не для меня. Я не способен создавать новое - но ведь я существую. Я люблю жить... И радуюсь каждому мгновению. Я (то есть душа) с удовольствием наблюдаю за своим телом. Улавливаю ощущения, запахи... Дует ли ветер, греет ли солнце, темно ли, светло... Все это наполнено жизнью. Это и есть Жизнь. Жизнь сама по себе событие. Вы вечно чего-то ждёте, чего-то хотите, живете от праздника к празднику, от цели к цели... И кажется, что смысл Жизнь приобретает лишь тогда, когда происходит что-то особенное. Но это не так... *(Прожектор направляется в зал. Со случайных мест в зале медленно встают люди в белых масках - «пустышки». Свет прожектора, словно не ведая, где появится новая пустышка, рыщет по залу).* Самая Большая Цель Жизни: каждый миг проживать не на автомате, в полусне, а с любовью к тому, что делаешь... И делать то, что любишь всей душой. Вы называете меня «пустышкой», а сами идёте на работу, где «на автомате» выполняете свои скучные обязанности, возвращаетесь в свои «на автомате» построенные дома, по дороге закупаю «на автомате» изготовленную еду в кормушках супермаркетов... А сами ничего настоящего, живого не делаете... Лишь ширпотреб... Живёте у мира в долг. Так в чем разница между мной и вами? Нет, это не я - пустышка, а вы! *(Пустышки в зале снимают маски. Свет гаснет.)* Вспомните голос Вселенной внутри вас. Вслушайтесь! Он внутри. Слышите? Прислушайтесь... Он внутри... Каждого из нас!

Конец